

Зелянская Н.Л.

Оренбургский государственный университет
E-mail: zelyanskaya@mail.ru

ПРИНЦИПЫ СОБЫТИЙНОСТИ В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ДВОЙНИК»

Статья посвящена анализу особенностей событийного пространства повести Ф.М. Достоевского «Двойник». Исследователь выделяет в произведении два ряда событий: ложные (имеющие статус литературного штампа) и настоящие (отражающие логику воплотившегося в произведении сюжета и обусловившие развитие главного героя). Сложное соотношение ложных и истинных происшествий воссоздает новые черты событийности, формирующиеся в нарративном пространстве русской повествовательной литературы 1840-х годов.

Ключевые слова: творчество Ф.М. Достоевского, нарратив, событийность, жанр, повесть.

Эпоха 40-х годов XIX века, когда Ф.М. Достоевский начинал свою литературную деятельность, для русской литературы стала переходным периодом. В это время происходит переосмысление эстетико-онтологических оснований литературного творчества, связанное со сменой романтической эстетической парадигмы литературно-художественными установками реализма. Тогда же начинается формирование событийности, в современном литературоведении считающейся классической [5; 6]. Во многом развитию данного процесса способствовала трансформация системы взаимодействия между автором, рассказчиком и героем, что привело к образованию такого нарративного пространства произведения литературы, в котором предполагается сложное соотношение разных повествовательных точек зрения и различие «сюжетного события» и «события рассказывания».

В центре внимания нашей работы находится повесть Ф.М. Достоевского «Двойник». Указанные историко-литературные процессы в этом произведении совпали с жанровой рефлексией писателя: мы имеем в виду создание окказиональных жанров (не вошедших в устоявшуюся жанровую традицию), формулировка которых выносилась в подзаголовок его ранних произведений. Личные творческие искания начинающего автора в этом случае осуществляются в общеэстетических категориях (жанр) и потому отражают актуальные литературные тенденции времени (подробнее проблема авторских номинаций жанра и связанных с ними трансформаций нарративной структуры художественного пространства в раннем творчестве Ф.М. Достоевского рассмотрена нами в монографии [4]).

Первоначально, в 1846 году, Ф.М. Достоевский сопровождает повесть «Двойник» жанровым подзаголовком «Приключения господина Голядкина», т.е. выбирает для произведения окказиональное жанровое определение приключение, что, как мы считаем, напрямую связано с осмыслением черт новой событийности (противопоставленной собственно повествовательному уровню (см. [1: 403-404])). Конкретное семантическое наполнение жанровой формы приключение мы эксплицируем, опираясь на особенности функционирования вербальных маркеров данного жанрового определения – слова приключение и его синонимов – в пространстве произведения. Приключение трактуется В.И. Далем как событие, характеризующееся нечаянностью, внезапностью, отличающееся от привычного хода вещей [2: 340].

Указанные жанровые маркеры в повести «Двойник» сталкивают два типа происшествий, составляющих все событийное пространство произведения. Первый тип, ложные события, соотносится с традиционными для литературы сюжетами, презентующими разные эстетические каноны, ставшие к 1840-м годам литературными стереотипами, главный герой участвует в событиях этого рода только в собственных желаниях. Второй тип, настоящие события, составляет фабулу произведения, противопоставлен первому ряду как реализовавшиеся происшествия противопоставлены литературным штампам – сюжетным «фантомам», существовавшим только в воображении главного героя.

Говоря о первом – ложном – ряде событий, мы имеем в виду эпизоды, в которых воссоздаются обед в честь дня рождения Клары Олсуфьевны и ее неудавшееся (и даже мнимое) по-

хищение. С точки зрения развития истории главного героя эти два события оказываются нереализованными: господин Голядкин не участвует в пире, посвященном Кларе Олсуфьевне, а предполагаемое им похищение оборачивается совсем другим событием – признанием сумасшествия героя и помещением его в больницу для душевнобольных.

Кроме того, повествователь создает пародийный фон, сопровождающий данные эпизоды, что подчеркивает их несостоятельность как частей героического (пир) и романтического (похищение возлюбленной) сюжетов. В пространство повести Ф.М. Достоевского они встраиваются в качестве приемов, демонстрирующих особенности нового сюжетного события, их реализация осуществляется с позиции «события рассказывания» как «остраняемое» литературное клише.

Например, обед в честь дня рождения Клары Олсуфьевны описывается повествователем как пир, т.е. указанный сюжетный ход произведения вводится в контекст героической эпической традиции (античной, средневековой), согласно которой пиры объединяют достойных людей высшего общества в мирной обстановке. Именно поэтому для изображения пира выбирается пародийная имитация высокого стиля, предполагающая соотнесение всей ситуации с ее прообразом из героического эпоса и одновременно открывающая несоответствие тематических и идеологических установок героических произведений художественному миру, разворачивающемуся в повествовательном пространстве «Двойника». К героическому прообразу присоединяются также романтически ориентированные интонации, связанные с изображением двух влюбленных, Клары Олсуфьевны и Владимира Семеновича, что обуславливает появление в описании пира многочисленных штампов из сентиментальной и романтической традиции. Так, традиционный эстетический контекст восприятия ситуации «обеда-пира» не реализуется в повести «Двойник», и именно в качестве «не реализовавшегося» события обед становится частью приключений господина Голядкина.

«Пир» в честь дня рождения Клары Олсуфьевны оказывается вовлечен в два пласта нарративной структуры повести. На сюжетном уровне этот праздник присутствует в качестве ложного события, проявляющегося специаль-

но для того, чтобы акцентировать внимание на «речевой партии» повествователя, в которой происходит полная трансформация традиционной модальности ситуации «пира», потеря всех героических, патетических коннотаций. Профанированное событие в данной нарративной ситуации превращается в прием, в средство обнаружения и демонстрации новых принципов сюжетостроения. Причем такое «растворение» традиционного понимания события в «событии рассказывания» оказывается здесь же противопоставлено представлению и утверждению настоящего героя повести: «Обратимся лучше к господину Голядкину, единственному, истинному герою весьма правдивой повести нашей» [3: 131], – и, соответственно, настоящих событий, составивших его «приключения».

В эпизоде «похищения невесты» явная ирония повествователя оказывается аналогом художественных средств, использованных им при описании обеда у Берендеевых, т.е. тоже служит для развенчания происходящего «приключения» в качестве полноценного сюжетного события путем обнаружения и «остранения» литературных штампов. Тот факт, что актуализация процесса повествования происходит здесь без явной самопрезентации субъекта наррации (в отличие от сцены «обеда-пира»), свидетельствует о разрушении прежнего представления о событиях изнутри – в соответствии с логикой внутрисюжетной эволюции. Поэтому репрезентантом новых принципов событийности становится главный герой, объединивший в себе два нарративных ракурса – сюжетный и повествовательный.

Данная способность героя явилась результатом эволюции его образа под воздействием второго событийного ряда, представленного в произведении, – того, что заявлен автором в жанровом подзаголовке (приключения). События второго ряда (настоящие приключения) разнорядковы по структуре, составу участников, и их роль неравнозначна для развития сюжета: от случайной, но судьбоносной встречи с незнакомцем ночью после окончательного изгнания из дома Берендеевых до обнаружения «светлого пятна» на сапогах его превосходительства. Однако, в отличие от «минус-событий», происшествий второго типа соответствуют требованию неожиданности для их участника, что становится жанрообразующей чертой и определяет сложный нарративный рисунок произведения. Они в

совокупности обуславливают эволюцию господина Голядкина, позволившую ему стать фигурой, способной репрезентировать не только собственное движение от одного состояния к другому, но и метасюжетную трансформацию, обусловленную открытиями в собственно повествовательном плане. Эти события, как бы встраиваются во внешнюю канву традиционных сюжетных ходов и, конкретизируя их, полностью видоизменяют содержательно.

Соответствующие жанровому определению автора приключения главного героя образуют свою систему. В начале повести «Двойник» мы видим господина Голядкина, готовящегося реализовать свой давно запланированный замысел – посетить обед в честь дня рождения Клары Олсуфьевны, но замысел «проваливается» под воздействием активизирующейся логики неожиданности, т.е. событийное движение в произведении предполагает переход от предсказуемого и контролируемого бытия к странному и необыкновенному, меняющему внутренний мир персонажа.

Впервые событие, отнесенное нами ко второму ряду, произошло, когда Яков Петрович неожиданно даже для себя самого прервал запланированное путешествие в карете на званый обед и посетил врача. Отметим, что целью данного посещения являлась не медицинская консультация, единственной реальной причиной оказывается желание поведать Крестьяну Иванычу тот вариант своих приключений, который Голядкин считает наиболее верным: из намеков героя мы узнаем о негативном отношении к Владимиру Семеновичу из-за его нового чина и предстоящей женитьбы на Кларе Олсуфьевне, а также о матримониальных стремлениях самого Якова Петровича – по тому, как он опровергает слух о своей свадьбе с Каролиной Ивановной. С указанных позиций герой функционально сближается с повествователем, он не только участвует в разворачивающихся событиях, он постоянно пытается их рассказать, понять до конца общий замысел, скорректировать его.

Наличие в произведении двух событийных планов, оказывающихся друг относительно друга в положении опровержения, потребовало и двух персонажей, функционирующих как органичные действующие лица в рамках данных событийных рядов. Голядкин-младший вытесняет главного героя из мира успешных

чиновников, из сюжета, придуманного самим героем для себя (ряда ложных событий). Функциональное проникновение господина Голядкина в собственно нарративный план (попытка рассказать собственную историю) также дублируются поддельным Голядкиным: двойник начинает рассказывать истории о главном герое в невыгодном для него варианте, представляет Голядкина в качестве соблазнителя Каролины Ивановны, т.е. как альтернативный автор разрушает его матримониальные замыслы.

Очевидно, такая повествовательная активность двойника приводит к возрастанию его авторитета в глазах настоящего Якова Петровича и к ощущению зависимости судьбы главного героя от точки зрения Голядкина-младшего. Каждая новая встреча между героями с тех пор, как «поддельный» Голядкин начал распространять истории главного героя, являясь, как правило, для Голядкина I одновременно и внезапной, и искомой, превращается в новую попытку пересказать собственные происшествия с выгодной для себя позиции. Поэтому становится понятной, казалось бы, бессмысленная активность господина Голядкина в бесконечных погонях за двойником, которая всегда разрешалась разговорами, поворачивающимися не в пользу настоящего героя повести. Ложная коммуникация на сюжетном уровне, очевидно, объясняется невозможностью скорректировать настоящий замысел, руководящий приключениями главного героя, или неспособностью героя сделать это.

Последнее описанное происшествие в жизни главного героя наиболее четко открывает основную нарративную функцию сюжетного события нового типа: оно становится смысловой границей, сводящей воедино все нарративные уровни произведения. Сюжетная линия разрешается признанием героя умалишенным, собственно повествовательная линия обнаруживает итоговое распределение описываемых происшествий с позиции свершившегося / несвершившегося, истинного / ложного. Поэтому господин Голядкин в финале как бы выносятся за пределы непосредственного событийного развития, ему не только открывается облик «другого Крестьяна Ивановича», он оказывается способным соотнести последнее событие со своими прежними предчувствиями о другом, несовпадающим с его планами, замысле его «приключений»: «Герой наш вскрикнул и схва-

тил себя за голову. Увы! он это давно уже предчувствовал!» [3: 229].

Факт объединения всех нарративных пластов в точках утверждения событий нового типа открывает и основные функции такого непрерывного взаимопроникновения сюжетного движения и процесса повествования. Конечно, синтез подобного взаимодействия может быть обнаружен только на более высоком нарративном уровне – с обобщающей позиции «образа автора» (или «абстрактного автора»), проявляющегося во всех художественно-структурных закономерностях текста. С этой позиции, на наш взгляд, особое положение в системе событий повести (мы имеем в виду события второго типа) занимают спонтанные попытки господина Голядкина выражать свои мысли вербально – либо в беседе, либо в письменном виде, – а также сюжетная активность принадлежащих и не принадлежащих главному герою продуктов словесно-писательской деятельности – бумаг, писем, стихов. Интрига утверждения / опровержения разных вариантов приключений, связанная с осмыслением традиционных сюжетных схем, логично выходит к проблеме оценки героя в категориях творчества. Попытка господина Голядкина реализовать выбранный им замысел и дальнейшая непрерывная рефлексия по поводу последствий этой попытки позволяет представить все, казалось бы, незначительные происшествия в жизни героя в качестве испытания его творческого потенциала. Крушение замысла главного героя, произошедшее во время бала в доме Берендеевых, не только привело к изгнанию его из мира успешных чиновников и к появлению двойника, но и к погружению первого Голядкина в сферу литературного поиска.

Причем отсутствие видимой логической связи между событием изгнания и появлением Голядкина-младшего «снимается» предположением о том, что двойник как субъект, активно предлагающий и распространяющий вариан-

ты истории настоящего Голядкина, именно с этих позиций становится его конкурентом. Данное обстоятельство способствует скрытому с точки зрения внешне-событийного уровня переходу главного героя в ранее чуждую ему сферу деятельности – сферу литературного творчества. Событие изгнания из одного жизненного пространства (мира чиновников) сменяется ситуацией, требующей осознания своего творческого потенциала и новых жизненных ориентиров. Голядкин-младший своими действиями стимулирует поиск главного героя.

Таким образом, настоящие события представляют собой происшествия, выводящие главного героя из механистичного мира обыденности, привычки, сообщающие ему состояние максимального душевного напряжения (в произведении оно совпадает с максимальной степенью удивления). Страстное желание Голядкина соединиться с миром чиновнических иерархий и стать полноценным участником ложного событийного ряда при столкновении с настоящими событиями – с приключениями, которым посвящено произведение, – стихийно трансформируется в усилия, направленные на творческую самоидентификацию. Эта метаморфоза в финале повести приводит господина Голядкина к пониманию отличия ложных и настоящих событий. Но крушение героя в мире ложной событийности только приоткрывает ему настоящее бытие, реализации персонажа как личности, стремящейся к творческой самореализации, не происходит. Сложный нарративный рисунок повести, предполагающий постоянные «проникновения» героя в план собственно повествования (пространство функционирования рассказчика) и его смутные «предвидения» замысла автора о себе, позволяет увидеть в истории мелкого чиновника Голядкина попытку обретения творческой свободы, путь инициации, дающие возможность построить собственный духовный космос.

27.09.2010

Список использованной литературы:

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 2 тт. / В.И. Даль. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – Т. 2. : П-V. – 1088 с.
3. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти тт. / Ф.М. Достоевский; гл. ред. В.Г. Базанов. – Л.: Наука, 1972. – Т. 1. – 520 с.
4. Зелянская, Н.Л. Достоевский и семиосфера русской прозы. Творчество Ф.М. Достоевского 1840–50-х годов в контексте культурно-семиотических тенденций эпохи / Н.Л. Зелянская. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – 352 с.

5. Тюпа, В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова) / В.И. Тюпа. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2001. – 58 с.
6. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

**Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ
(Аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала
высшей школы», проект № 2.1.3/3720).**

Сведения об авторе:

Зелянская Наталья Львовна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук
460018, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 776116, e-mail: zelyanskaya@mail.ru

Zelyanskaya N.L.

THE PRINCIPLES OF THE COURSE OF EVENTS IN THE NOVELLA BY F. M. DOSTOYEVSKY «THE DOUBLE»

This article is devoted to the analyses of the peculiarities of the field of events in the novella by F. M. Dostoyevsky «The Double». The researcher singles out two series of events in the literary work: false events (those that have the status of literary stock-phrase) and true events (those that reflect the logics of the plot pointed out in the literary work and cause the development of the main character). Complicated interdependence of false and true events make up new features of the cause of events formed in the narrative field of the Russian successive literature of 1940-s.

Key-words: creative activity of F.M. Dostoyevsky, the course of events, genre, story.

Bibliography:

1. Bakhtin, M.M. Questions of Literature and Aesthetics. Researches of different years / M.M. Bakhtin. – М.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 p.
2. Dal, V.I. Explanatory Dictionary of Alive Great Russian Language: In 2 vol. / V.I. Dal. – М.: OLMA-PRESS, 2002. – Vol. 2.: П-V. – 1088 p.
3. Dostoyevsky, F.M. Complete works: in 30 vol. / F.M. Dostoyevsky; the editor-in-chief V.G. Bazanov. – Л.: Nauka, 1972. – Vol. 1. – 520 p.
4. Zelyanskaya, N.L. Dostoyevsky and Semiosphere of Russian prose. F.M. Dostoyevsky's Creativity of 1840-50th years in a Context of Cultural-Semiotics Tendencies of the Epoch / N.L. Zelyanskaya. – Orenburg: Publishing house of Orenburg state university, 2009. – 352 p.
5. Тюпа, В.И. Нарратология как Аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова) / В.И. Тюпа. – Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2001. – 58 с.
6. Schmid, W. Narratology / W. Schmid. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 p.